
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN FOREIGN AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

УДК 343.241;342.722.1 (73)
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(1).128-140

«ЧЕРНО-БЕЛАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»: СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ВОПРОСЫ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В США

Б.В. Николаев

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
4 сентября 2016 г.
Дата принятия в печать
16 февраля 2018 г.
Дата онлайн-размещения
2 марта 2018 г.

Ключевые слова

Уголовное право США; смертная казнь; принцип равноправия; расовая дискриминация; исполнение наказания; Верховный суд США

Финансирование

Российский фонд фундаментальных исследований, грант № 14-03-00181 «Верховный Суд США и обеспечение конституционного принципа равноправия» (2016)

Аннотация. Рассматривая развитие института смертной казни в США, современные отечественные исследователи уделяют особое внимание законодательным ограничениям ее применения, формам и динамике изменения применения высшей меры наказания, тенденциям изменения общественного мнения в этой области. Автор данной статьи анализирует такой важный аспект развития института смертной казни в США, как проявление явных и латентных форм расовой дискриминации, что ставит вопрос о справедливости применения смертной казни и обеспечении базового юридического принципа «равной защиты со стороны закона». Изучаются основные тенденции развития института смертной казни в США с учетом новейшей статистики и судебной практики. Определяются основные факторы, влияющие на расовую дискриминацию в этой сфере, и формы ее проявления (латентная и намеренная, открытая дискриминация). Отмечается, что важнейшим фактором расовой дискриминации в США остается системное недостаточное представительство дискриминируемых групп в системе государственно-правовых институтов, что в сочетании с исторически устойчивыми стереотипами отношения к афроамериканцам и в меньшей степени к латиноамериканцам в американском обществе негативно отражается на соответствующем законодательстве и правоприменительной практике (особенно значим расовый состав прокуратуры и суда присяжных). Исследуется практика Верховного суда США, прежде всего такие ключевые для развития института смертной казни дела, как Фурмана, Грегга, Батсона, Макклески, Снайдера, Дэвиса, Фостера. Их анализ демонстрирует непоследовательность и противоречивость решений Верховного суда, что также характерно и для законодательства и судебной практики штатов, несмотря на общую тенденцию ограничения применения смертной казни в современных США. Изучение современного развития института смертной казни в США позволяет сделать вывод об отсутствии четко выраженной позиции североамериканского законодательства, и в первую очередь правоприменительной практики, в отношении преодоления всех форм расовой дискриминации, в особенности латентного, непреднамеренного типа. Это приводит к непоследовательности и противоречивости соответствующей правовой политики и сохраняет факторы, обуславливающие расовые ограничения. В таком виде применение практики смертной казни в США не соответствует базовым принципам гуманности, равноправия и справедливости, что требует ее отмены и установления четких федеральных стандартов ее применения.

«BLACK-AND-WHITE JUSTICE»: DEATH PENALTY AND RACIAL DISCRIMINATION IN THE USA

Boris V. Nikolaev

Penza State University, Penza, the Russian Federation

Article info

Received
2016 September 4

Abstract. When analyzing the development of the institute of death penalty in the USA, contemporary Russian researchers pay special attention to the legislative limitations of its use, to the forms and dynamics of using capital punishment, to the public opinion trends in this sphere. The author analyzes an important aspect of the development of the death penalty institute in the USA — the open or latent forms of racial

© Б.В. Николаев, 2018

Accepted
2018 February 16

Accepted
2018 March 2

Keywords

US criminal law; death penalty; the principle of equality; racial discrimination; execution of punishment; the US Supreme Court

Acknowledgements

Russian Fundamental Research Foundation, Grant № 14-03-00181 «The US Supreme Court and Ensuring the Constitutional Principle of Equality» (2016)

discrimination in the USA, which leads to the question of justice in the use of death penalty and the provision of the basic legal principle of «equal protection by law». The author also examines key trends in the development of the death penalty institute in the USA taking into account the latest statistics and court practice, determines key factors that influence racial discrimination in the sphere and its manifestations (latent and intentional, open discrimination). The key factor of racial discrimination in the USA remains the systemic insufficient representation of the discriminated groups in the system of government-legal institutes which, in combination with the historically grounded stereotypical attitudes of the American public to African Americans and, to a lesser degree, to Latin Americans, has a negative impact on the corresponding legislation and law enforcement practices (the racial composition of the prosecutors and the jury is especially critical). The author examines the practice of the US Supreme Court, primarily, the cases which played a key role in the establishment of the institute of death penalty — those of Furman, Gregg, Batson, McClesky, Snyder, Davis, Foster. Their analysis demonstrates the inconsistencies and contradictions in the Supreme Court decisions, which is also typical for the legislation and court practice of the states, although it is contrary to the general trend for the limitation in the use of death penalty in the USA today. The research of the contemporary development of the institute of death penalty in the USA allows the author to conclude that there is no clearly outlined position of the North American legislation and, primarily, the law enforcement practice, regarding the elimination of all forms of racial discrimination, especially the latent, unintentional type. This leads to the inconsistencies and contradictions in the corresponding legal policy and preserves the factors that determine racial limitations. The use of death penalty in the USA in this form does not correspond to the basic principles of humanism, equality and justice, which calls for its repeal and for the establishment of clear federal standards of its use.

Институт смертной казни является одним из наиболее остро обсуждаемых как с точки зрения уголовно-правовой науки и практики, так и с точки зрения соответствия принципам конституционного и международного права. Несмотря на внешне очевидную тенденцию ограничения смертной казни в современном мире, вопрос применения высшей меры наказания не только является актуальным для современной государственной политики, правоприменительной практики и юридической науки, но и обнаруживает все новые аспекты и взаимосвязи с другими сферами правовой системы и общественной жизни.

Особое значение в этой связи имеет исследование эволюции, современного состояния и тенденций развития института смертной казни в США в силу многообразия законодательных основ его применения и соответствующей судебной практики в отличие от европейских государств, которые не только отменили смертную казнь, но и рассматривают запрет на применение смертной казни в качестве обязательного атрибута современного демократического правового государства.

Сложность и противоречивость государственной доктрины и политической и правовой практики в отношении смертной казни дополняется и крайней децентрализацией североамериканского федерализма, который относит

к компетенции штатов уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, а также формирование и функционирование судебной системы штата. Действие данных факторов в сочетании с существенными различиями политических, социальных и правовых традиций различных штатов приводит к крайнему многообразию практики функционирования института смертной казни в современных США. Все это обусловило повышенное внимание российской юридической науки к изучению проблем правовых основ и ограничений, процессуальных особенностей и форм применения смертной казни в США [1–3]. В то же время динамичное развитие данного института и многообразие аспектов его изучения обуславливают актуальность исследования современного развития правового регулирования и практики применения смертной казни и, в частности, с точки зрения реализации важнейшего для американской правовой системы правового принципа равноправия, прежде всего, предотвращения расовой и национальной дискриминации при реализации высшей меры наказания.

Несмотря на крайнюю противоречивость и непоследовательность развития института смертной казни (death penalty, capital punishment) в США, данные официальной статистики демонстрируют тенденцию к сокращению

ее применения. В соответствии с ежегодным отчетом Информационного центра по вопросам смертной казни США в 2015 г. количество случаев исполнения приговоров к смертной казни снизилось на 20 % (по сравнению с 2014 г.) и достигло минимума за последние 24 года: 28 случаев в шести штатах (Техас — 13, Миссури — 6, Джорджия — 5, Флорида — 2, Оклахома — 1, Виргиния — 1) в сравнении с максимальными показателями 1999 г. — 98 случаев исполнения смертных приговоров. Снижение такого показателя в течение 12 из последних 16 лет указывает на достаточно определенную тенденцию сокращения применения смертной казни. В 2015 г. на 33 % снизилось и число вынесенных приговоров — 49 (в 2014 г. — 73), что является минимальным показателем за последние 40 лет (пиковые показатели пришлось на 1996 г. — 315 смертных приговоров). При этом более половины случаев приходится на три штата: Калифорния (14), Флорида (9) и Алабама (6)¹.

Снижается уровень и общественной поддержки: лишь 18 % американцев в 2013 г. полностью поддерживали смертную казнь (по сравнению с 28 % в 2011 г.), тогда как против нее высказываются 37 % респондентов (в сравнении с 18 % в 1996 г.) [4]. В то же время большинство американцев (55 %) поддерживают смертную казнь в качестве меры наказания за убийство (в 1996 г. более 78 %).

Наряду с традиционными аргументами против смертной казни (возможность неоправданной судебной ошибки, аморальность, жестокость, значительные расходы государственных средств) в США все большее значение приобретает указание на устойчивую и широкую практику нарушения конституционного принципа равноправия в реализации такого основополагающего права человека, как право на жизнь.

Проблема реального обеспечения принципиального для современной юриспруденции принципа равноправия имеет в США множество аспектов, включая вопросы гендерной принадлежности, экономического статуса, состояния здоровья, возраста. Однако коренным императивом для всей американской правовой системы является запрет расовой и национальной дискриминации. В этой связи представляет интерес расовый состав противников и сторонников смертной казни в США (при средних показателях по стране 62 и 31 % соответственно).

¹ The Death Penalty in 2015: Year End Report. Washington: The Death Penalty Information Center, 2016. P. 1–3.

Так, с точки зрения расовой принадлежности характерным показателем является поддержка смертной казни белыми американцами (68 % против 26 %), тогда как среди афроамериканцев сторонников значительно меньше (40 % против 49 %), промежуточное положение занимают испаноязычные американцы (52 % против 42 %). Еще в 1903 г. известный американский общественный деятель В.Е.Б. Дюбуа предсказал, что главной проблемой XX в. станет проблема разделения по признакам расы и цвета кожи [5, p. 332]. События последних лет демонстрируют не меньшую актуальность проблемы обеспечения расового равноправия и в США XXI в.

Анализ данных официальной статистики и новейших американских научных исследований позволяет выявить основные аспекты расовой дискриминации в рамках института смертной казни: расовая принадлежность жертвы преступления, раса осужденного лица, подавляющее большинство белых в числе федеральных прокуроров и прокуроров штатов, пристрастное отношение присяжных заседателей к обвиняемым афроамериканцам.

Следует отметить и такой важный аспект, как географическая ограниченность применения смертной казни в США. Несмотря на то что смертная казнь предусмотрена в 31 штате, в большинстве из них она фактически находится в «спящем режиме» либо в связи с формальными судебными или законодательными ограничениями и временными запретами, либо с фактически действующими мораториями на назначение или исполнение смертной казни. Так, в 18 штатах из 31, законодательство которых предполагает применение смертной казни, не вынесен ни один смертный приговор. Три штата (Техас, Миссури и Джорджия) в 2015 г. обеспечили 86 % случаев применения смертной казни в стране. Всего по состоянию на 1 июля 2015 г. к смертной казни приговорены 2 984 чел. При этом в тройке печального лидерства (составляя почти половину всех случаев) находятся южные штаты: Калифорния (746), Флорида (400), Техас (265).

Статистика применения смертной казни также демонстрирует определенное районирование: с 1976 г. в южных штатах исполнено 1 170 приговоров, в штатах Техас и Оклахома — 649, тогда как в штатах Среднего Запада — 178, в западных штатах — 85, в северо-восточных штатах — всего 4 случая. При этом именно в южных штатах (80 % применения смертной казни) устойчиво держится наивысший коэффициент

убийств (5,5 на 100 тыс. населения), тогда как в северо-восточных штатах (1 % исполнения смертных приговоров) — наименьший (4,5). Если большинство штатов приводит большинство смертных приговоров в исполнение, то в двух из них ситуация является совершенно иной. К 2013 г. в штате Калифорния был 731 осужденный к смертной казни, но с 1976 г. казнено 13 человек. В штате Пенсильвания осуждено 198 человек, а казнено в течение того же периода — 3 [6, р. 810].

Такая крайняя поляризация использования высшей меры наказания сама по себе нарушает принцип равноправия граждан, поскольку предполагает законное ограничение основополагающего права на жизнь в отношении граждан лишь нескольких штатов, тогда как в большинстве остальных высшей мерой наказания является пожизненное лишение свободы. Подобное юридическое неравенство в уголовно-правовой сфере не характерно для большинства развитых современных государств и подчеркивает анахронический и с точки зрения принципов современного конституционализма несправедливый характер американского правового федерализма. Дополнительным фактором, порождающим опасность открытой или латентной дискриминации, становится тот факт, что абсолютными лидерами в использовании смертной казни являются южные штаты с богатой традицией расовой сегрегации, линчевания, культа белых настоящих американцев.

Рассмотрим основные предлагаемые аспекты расовой дискриминации в процессе применения смертной казни. Согласно отчету профессора Балдуса, представленному Американской ассоциации юристов в 1998 г., в 96 % штатов обнаружены признаки дискриминации с точки зрения расовой или национальной принадлежности либо обвиняемого, либо его жертвы². И в настоящий момент ситуация остается сложной. В 82 % исследований подтверждается факт влияния расовой принадлежности жертвы убийства на назначение высшей меры наказания [7, р. 9]. В целом с 1976 г. 76 % жертв убийц, приговоренных к смертной казни, были белыми (афроамериканцы — 15 %, латиноамериканцы — 7 %, остальные — 2 %), тогда как в среднем белые составляют лишь 50 % жертв убийств. Всего в 20 случаях, когда была назначена смертная казнь, черный стал жертвой белого американ-

ца, тогда как обратная ситуация имела место в 269 случаях. В штате Луизиана вероятность получения смертного приговора была выше на 97 %, если жертвой был белый, а не афроамериканец [8]. В штате Северная Каролина вероятность такого исхода возрастала в 3,5 раза [7, р. 4]. В штате Калифорния вероятность убийцы белого получить смертный приговор выше в 3 раза по отношению к убийству афроамериканца и в 4 раза в отношении убийства латиноамериканца [9]. Из 3 095 чел., осужденных к смертной казни с 1976 г., белые и черные американцы составляют соответственно 44 и 43 %, тогда как их доля в общей численности населения в 2013 г. достигла 72,4 и 12,6 %³.

В 2015 г. 60 % казненных были черными или латиноамериканцами, и только в 21 % казней афроамериканец являлся жертвой убийства, тогда как в общем числе жертв убийств афроамериканцы составляют почти половину. По данным Департамента юстиции США, представители этнических меньшинств составляют 67 % от всех приговоренных к смертной казни в рамках федеральной юрисдикции [10, р. 1599–1601].

Большое влияние на практику назначения смертной казни оказывает тот факт, что 98 % атторнеев в штатах, применяющих смертную казнь, являются белыми и лишь 1 % — афроамериканцами. По выражению исследователей, «незначительное число агрессивных обвинителей, готовых применить высшую меру наказания при любой возможности, ответственны за множество смертных приговоров» [11, р. 680–681]. Так, в период с 1976 по 2014 г. в одном только графстве Харрис (включающем г. Хьюстон), которое называют «столицей смертной казни» в США [12], были приговорены к смерти 122 чел., — это больше, чем в любом другом штате (за исключением штата Техас). Существенные различия в количестве требований применения смертной казни в отношении убийц со стороны прокуроров установлены и в штате Вашингтон: от 67 до 0 % во всех графствах штата и от 48 до 0 % в крупных графствах [13, р. 25].

Основными методами при этом являются назначение слабых, некомпетентных юристов в качестве защитников, исключение из состава присяжных заседателей представителей расовых и национальных меньшинств. Если судебный процесс проходит в графстве со значительным представительством расовых и национальных

² The Death Penalty Information Center. Facts about the Death Penalty. URL: <http://www.deathpenaltyinfo.org/documents/FactSheet.pdf>.

³ The Death Penalty Information Center. Facts about the Death Penalty.

меньшинств, должностные лица стремятся доказать возможность федеральной юрисдикции для получения того же результата: белое жюри для афроамериканца [11, р. 681–682, 685].

По данным исследований, 66 % штатов с выборными прокурорами не имеют ни одного черного прокурора. Из 2 437 выборных прокуроров в США около 95 % являются белыми, а 79 % — белыми мужчинами (которые в структуре населения США составляют лишь 31 %). Представители общественных организаций отмечают, что «в свете растущего кризиса уголовной системы США мы сохраняем систему, которая допускает чрезмерную концентрацию дискреционных полномочий в руках одной демографической группы» [14]. Наличие подобных тревожных тенденций сохранения (а в некоторых случаях и нарастания) новых форм сегрегации в уголовно-правовой сфере придает особое значение судебной защите принципа равноправия в данной сфере.

Конституционной основой запрета дискриминации в США являются положения XIV поправки к Конституции США. По мнению американских исследователей, современное конституционное право США выступает «подстрочным толкованием XIV поправки» [15, с. 22]. По словам известного американского исследователя Л. Фридмана, «9/10 современного конституционного права вырвались, как ракета, из двух содержательных фраз: «надлежащая правовая процедура» и «равная защита закона»... доктрины выпрыгивали из этих нескольких слов как кролики из шляпы фокусника» [16, с. 156]. Согласно данной поправке, Конституция гарантирует должную процедуру и равную защиту закона всем лицам, находящимся под юрисдикцией США.

Практика Верховного суда по вопросам смертной казни, и в частности значения расового фактора при назначении наказания, характеризуется некоторой противоречивостью и непоследовательностью. Исследователи называют практику применения смертной казни в США до 1972 г. «одной из самых мрачных и позорных глав американской истории» [11, р. 675].

Еще в деле «Свейн против штата Алабамы» (*Swain v. Alabama*, 380 U.S. 202 (1965)) суд заявил: «Мы не можем утверждать, что исключение негров в конкретном случае означает отказ в равной защите законов», добавив, что в поисках беспристрастного и компетентного жюри «негры и белые, католики и протестанты должны подчиняться единым правилам».

Однако уже спустя семь лет возможность расовой дискриминации стала одним из основных аргументов в пользу кульминационного для «аболиционистской» деятельности Верховного суда решения по делу «Фурман против штата Джорджия», принятого им 29 июня 1972 г. (пятью голосами против четырех), о противоречии применения смертной казни VIII и XIV поправкам к Конституции США (*Furman v. Georgia* 408 U.S. 238 (1972)). Верховный суд признал неконституционным законодательство штатов Джорджия и Техас, регулировавшее порядок назначения и исполнения смертной казни. Данное решение не означало полную отмену смертной казни в США, но обеспечило вынужденный мораторий, потребовав адаптации законодательства штатов к данному решению суда. Несмотря на то что минимальным большинством судей применение смертной казни в двух рассматриваемых случаях было признано «жестоким и необычным наказанием», судьи не смогли сформировать необходимое большинство для принятия единой судебной аргументации данного решения. Так, трое из представителей большинства (судьи Стюарт, Уайт и Дуглас) подчеркнули в своем мнении очевидную произвольность (в некоторых случаях даже «случайность») при вынесении смертных приговоров в соответствии с существующим законодательством, допуская в том числе и расовые предубеждения против афроамериканцев, хотя и не признавали наличия прямых доказательств расовой дискриминации. Судьи Бреннан и Маршалл заявили о том, что смертная казнь сама по себе является «жестоким и необычным наказанием» и как институт в целом несовместима со стандартами современного общества и требованиями Конституции США. Судья Дуглас (на основании данных научных исследований и данных Президентской комиссии по отправлению правосудия и исполнению наказаний) заявил о прямых случаях расовой дискриминации вплоть до абсурдных ситуаций, когда черный и белый соучастники одного преступления приговаривались соответственно к смертной казни и пожизненному заключению (или даже лишению свободы на определенный срок). По мнению судьи Маршалла, статистические данные истории применения смертной казни в США очевидно указывают на то, что «смертная казнь применяется к неграм гораздо чаще, чем к белым американцам» [17, р. 524–525]. Главный судья Бюргер, которого поддержали судьи Блэкман, Пауэлл и

Ренквист (назначенные президентом Р. Никсоном), выступили против решения суда, заявив о наличии устойчивой англо-американской правовой традиции применения смертной казни в отношении тяжких преступлений. Положение XIV поправки о запрете «лишать какое-либо лицо жизни... без надлежащей правовой процедуры» подразумевает, по их мнению, право принимать законы о применении смертной казни. Следует отметить, что многие судьи впоследствии изменили свою позицию по вопросам смертной казни. Так, судья Пауэлл, последовательно выступавший сторонником ее применения, после отставки выразил сожаление и в отношении своей позиции [11, р. 691]. Судья Стевенс, поддержавший в 1976 г. восстановление смертной казни, официально выразил сожаление по поводу данного факта в 2010 г.

Минимальный перевес при принятии решения, отсутствие единства даже такого минимального большинства, краткий, даже протокольный характер оформленного решения, временный характер вводимых ограничений — все это указывало на возможный скорый пересмотр позиции суда. Действительно, уже спустя четыре года суд подавляющим большинством (7 против 2) восстановил конституционность смертной казни для убийств с отягчающими обстоятельствами. Несмотря на краткосрочность действия решения по делу Фурмана, оно продолжает оказывать значительное влияние на судебную доктрину и практику в США [18]. Уже к 1976 г. новые законы о применении смертной казни были приняты в 37 штатах.

В деле «Грегг против штата Джорджия» (*Gregg v. Georgia*, 428 U.S. 153 (1976)) суд должен был оценить конституционность законов штатов Джорджия, Луизиана, Северная Каролина, Техас и Флорида, принятых в соответствии с требованиями, установленными судом в деле «Фурман против штата Джорджия». В то же время суд вынужден был ответить и на основополагающее требование заявителей признать смертную казнь неконституционным видом наказания. Суд указал на то, что принятие после решения 1972 г. законов 35 штатами и федеральным округом Колумбия, которые не отменили, а лишь определили более точную и надлежащую процедуру применения смертной казни, доказывает общую поддержку данного института со стороны представительных органов штатов, а соответственно, и их избирателей. Результаты референдума в штате Калифорния,

отменившего решение Верховного суда штата о запрете смертной казни, еще с большей очевидностью подтверждают данный факт. Более того, сущность данного института соответствует и предписаниям VIII поправки к Конституции США, и целям возмездия и предотвращения преступлений. В то же время суд обусловил восстановление смертной казни принятием штатом такой схемы ее применения, которая содержала бы объективные критерии вынесения смертных приговоров и обеспечивала бы обязательный учет со стороны суда личности и индивидуальных характеристик осужденного лица. В соответствии с данными требованиями суд утвердил схемы, представленные штатами Джорджия, Техас и Флорида, но отверг законодательство штатов Луизиана и Северная Каролина. Как и в предшествующем деле, судьи Бреннан и Маршалл заявили о принципиальной неконституционности и неэффективности смертной казни, которая, по их мнению, не способствует ни возмездию, ни предотвращению преступлений. Непосредственным последствием данного решения стало возобновление практики вынесения и исполнения смертных приговоров, которое достигло пиковых значений соответственно в 1996 г. (315 случаев) и в 1999 г. (98 казней). Другим следствием решения 1976 г. стало изменение подхода Верховного суда к данной проблеме — от рассмотрения вопроса конституционности и возможного запрета смертной казни к ограничению ее применения с точки зрения оснований, процедуры и субъектного состава.

В 1986 г. суд вновь вернулся к вопросу о расовой дискриминации при назначении присяжных заседателей, что привело к пересмотру его решения по делу «Свейн против штата Алабама» (1965) в деле «Батсон против штата Кентукки» (*Batson v. Kentucky*, 476 U.S. 79 (1986)). Если, согласно решению 1965 г., сторона защиты должна была доказать наличие систематических отводов присяжных афроамериканцев, то в деле Батсона требовалось прямое доказательство намеренной расовой дискриминации только в данном конкретном случае, а обвинение обязано было представить нейтральное с точки зрения расы обоснование такого отвода присяжных. Несмотря на некоторый прогресс, данное решение продолжало возлагать основное бремя доказывания на сторону защиты и, таким образом, не могло обеспечить гарантии против расовой дискриминации в процессе отбора присяжных заседателей, как и предсказывал в

своем конкурирующем мнении судья Маршалл, признавая само решение суда «историческим» [11, р. 675]. Против большинства выступили главный судья Бюргер и впоследствии главный судья Ренквист, которые поддержали традиционный для США институт отвода присяжных и не обнаружили в конкретном деле дискриминации, а лишь применение традиционной уголовно-процессуальной процедуры.

Исследователи отмечают, что защита прав расовых меньшинств на равное представительство в жюри присяжных стала новой стратегией суда, который отказался от непосредственной борьбы с проявлениями расовой дискриминации при назначении уголовных наказаний, акцентируя внимание на необходимости институциональных изменений в этой области, которые обеспечили бы необходимый климат, снижающий эффект расовых предпочтений [19, р. 1321–1324].

Следующим важнейшим действием Верховного суда в данной области стало решение по делу «Макклески против Кемпа» (*McCleskey v. Kemp*, 481 U.S. 279 (1987)). Обвиняемый в совершении разбоя и убийстве белого офицера полиции афроамериканец У. Макклески был приговорен штатом Джорджия, по его мнению, в силу расовых предубеждений. Требование истца основывалось на данных двух масштабных статистических исследований 2 500 случаев назначения смертной казни в штате Джорджия профессора юридического колледжа Университета штата Аойвы Д. Балдуса [20; 21]. Данные исследования, по мнению истца, доказывали наличие намеренной расовой дискриминации, что прямо нарушает конституционную клаузулу о «равной защите со стороны закона», или, по крайней мере, продемонстрировали возможное имплицитное влияние расовых факторов, что нарушает требования VIII поправки и предшествующие решения суда, поскольку это не позволяет рассчитывать на безусловно объективные критерии принятия решения о назначении высшей меры наказания. Суд минимальным большинством голосов (5 против 4) отклонил требования Макклески, заявив о недостаточности результатов исследований Д. Балдуса для доказательства наличия расовой пристрастности правоприменителей в этом деле, поскольку смертная казнь — это не тот институт, в котором решение могло бы быть вынесено на основании статистического вывода. По мнению суда, исследования Балдуса не «продемонстриро-

вали конституционно значимого риска расовой пристрастности, который мог значимо повлиять на процесс назначения смертной казни в штате Джорджия». Кроме того, суд выразил опасение относительно того, что в случае поддержки требований Макклески в данном деле, он столкнулся бы в будущем со сходными требованиями в других подобных делах. По ироничному замечанию судьи Бреннана, суд испытал «страх перед возможностью чрезмерной справедливости» (*a fear of too much justice*). Исследователи считают опасения таких «апокалиптических последствий» существенно преувеличенными [22, р. 92].

Данное решение подвергалось значительной критике со стороны общественности, названо худшим из решений Верховного суда со времен Второй мировой войны [23], признающим проявления расизма «в глубинных аспектах нашей правовой системы» [24], аналогичным печально известному решению по делу Дредда Скотта [25], допускающим восстановление расистской по своему содержанию доктрины решения по делу «Плесси против Фергюссона» «разделенные, но равные» [26]. Судья Пауэлл (подготовивший мнение большинства) впоследствии признал, что если и желает изменить какое-либо свое предшествовавшее решение, то именно по делу Макклески. Специальный докладчик ООН по вопросу о внесудебных или произвольных казнях в своем докладе 1998 г. предположил, что данное решение может противоречить обязательствам страны по Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, требующей от участников принятия надлежащих мер для ликвидации прямой и косвенной дискриминации [19]. К счастью, данное решение не остановило исследователей в их работе по выявлению фактов расовой дискриминации в назначении уголовных наказаний, и в частности смертной казни. В то же время основное направление исследований претерпело некоторые изменения: если в предшествующий период внимание уделялось проблемам прямой дискриминации и соответствующей статистике, то в последующем исследователи сосредоточились на анализе множественных факторов, порождающих дискриминационный климат, на институциональной структуре и в целом косвенных формах дискриминации в этой области [27, р. 75–76].

В деле «Снайдер против штата Луизиана» (*Snyder v. Louisiana*, 552 U.S. 472 (2008)) Верховный суд рассматривал вопрос о проблеме ра-

совой дискриминации при отборе присяжных заседателей. Из 85 потенциальных кандидатов предварительно было отобрано 36, из которых лишь пятеро были афроамериканцами, и в отношении них сторона обвинения применила право отвода. Жюри присяжных признало Аллена Снайдера виновным в совершении убийства первой степени и приговорило его к смертной казни. Суд явным большинством (7 против 2) признал, что использование государственным обвинителем права отвода для исключения из состава жюри афроамериканцев нарушает решения суда по делу «Батсон против штата Кентукки».

В деле «Дэвис против Айалы» (*Davis v. Ayala*, 576 U.S. ___ (2015)) суд уже минимальным большинством (5 против 4) не поддержал позицию приговоренного к смертной казни Гектора Айалы, который утверждал, что исключение из состава жюри присяжных всех семерых афроамериканцев и латиноамериканцев является дискриминационным. Сторона обвинения представила судье рациональные основания своего отвода, не связанные с расовым фактором, однако это было сделано без какого-либо участия защитника обвиняемого лица. Суд поддержал позицию нижестоящего суда в том, что, если и имели место некоторые процессуальные ошибки, они не носили принципиального характера.

Неожиданным для практики суда стало конструирующее мнение судьи Кеннеди, который апеллировал не к существу рассматриваемого дела, а к вопросу о многолетнем одиночном заключении Айалы (с 1989 г.), которое, по его мнению, является ничем не обоснованным продолжением «страха и позора». Еще более неожиданным стало цитирование судьей Кеннеди известного афоризма Ф.М. Достоевского: «О степени цивилизованности общества можно судить, побывав в его тюрьмах». Ответом стало саркастическое замечание судьи Кл. Томаса, что место содержания Айалы является все же гораздо более просторным, нежели у трех его жертв. С принципиальным несогласием с данным решением выступила судья Сотомайор (поддержанная судьями Брейером, Гинзбург, Каган). Неучастие представителей защиты в процессе проверки оснований отвода присяжных стало, по мнению меньшинства, существенным нарушением процедуры. Кроме того, представленные материалы не дают оснований утверждать, что решение об отводе присяжных было расово нейтральным.

23 мая 2016 г. Верховный суд вынес решение по делу «Фостер против Чэтмена» (*Foster*

v. Chatman, 578 U.S. (2016)). Суд явным большинством (7 против 1) признал незаконным отвод двух кандидатур афроамериканцев из состава жюри присяжных, поскольку имели место расовые основания такого решения стороны обвинения. Несмотря на то что 19 лет назад уголовный суд рассмотрел жалобу афроамериканца Т. Фостера (обвиненного в убийстве 79-летней белой женщины) и не обнаружил расовых предубеждений в действиях властей штата Джорджия, адвокаты осужденного получили заметки государственного обвинителя, которые касались процедуры отбора присяжных и доказывали наличие с его стороны расовых предубеждений. Так, напротив фамилий кандидатов стояли пометки «Представляет черных», обведены кругом указания на расу всех черных кандидатов, составлен список «Определенно нет» из шести фамилий, первые пять из которых были фамилиями афроамериканцев, написана записка под названием «Церковь Христа» с замечанием «Нет. Никакой церкви черных». Сторона обвинения заявила о том, что отметила черных кандидатов по иным (не расовым) основаниям и не использовала данные пометки в процессе принятия окончательного решения. Главный судья Робертс от имени большинства суда признал такие действия преднамеренной дискриминацией и предписал провести новый процесс по делу Фостера. В одном случае отвод Мэрилин Гарретт обосновывался ее возрастом и наличием развода, при этом в состав жюри прошли три из четырех разведенных белых кандидаток и кандидаты, имеющие сходный возраст. В свете решения по делу Фостера Верховный суд предписал судам штатов Миссисипи и Алабама заново рассмотреть сходные дела: «Флоуэрс против штата Миссисипи» (*Flowers v. Mississippi*, No. 14-10486 (U.S. June 20, 2016)) и «Флойд против штата Алабама» (*Floyd v. Alabama*, No. 15-7553 (U.S. June 20, 2016)).

Не менее противоречивой остается ситуация и на уровне штатов. С одной стороны, происходит постепенное сокращение числа штатов, де-юре или де-факто применяющих смертную казнь, ежегодно в течение последних пяти лет билли об отмене смертной казни вносятся в 12–17 штатах (в первой половине 2016 г. в девяти штатах). С другой стороны, присутствуют и регрессные движения, расширяющие применение смертной казни или формы ее применения, а в некоторых случаях и восстанавливающие высшую меру наказания. На действие судебной

системы штата в сфере назначения смертной казни большое влияние оказывают политические и идеологические установки судей. Так, в практике Верховного суда штата Калифорния определенно различаются следующие периоды. Первый период (1976–1986 гг.) характеризуется либеральной позицией главного судьи Р. Бирда и большинства судей; второй период (1986–1996 гг.) — нарастанием консервативных тенденций в работе суда во главе с М. Льюисом после отставки трех либеральных судей. Эти тенденции получили выражение в судебной статистике: несмотря на примерно равные показатели в обоих периодах в отношении общего числа конституционных ошибок в процедуре назначения смертной казни (60 и 55 % соответственно), суд противоположным образом оценил реальное значение таких ошибок. В первый период 67 % конституционных ошибок суд оценил как причиняющие значительный вред обвиняемому, тогда как во второй период — лишь 7 % [6, р. 820–821]. С 1996 г. начинается новый этап, который может быть охарактеризован как центристский. Новый глава суда Рон Джордж уже при назначении рассматривался как «консерватор, приемлемый для демократов». Именно Джордж представил мнение большинства суда, легализовавшего однополые браки в штате Калифорния, обосновав его ссылками на судебную легализацию межрасовых браков, впервые применив клаузулу о равной защите со стороны закона в отношении сексуальных меньшинств. В 2011 г. его преемницей стала Тани Горре Кантил-Сакауе, вторая женщина на посту главы Верховного суда штата Калифорнии и первая американка азиатского (филлипинского) происхождения. В современном составе суда четыре женщины, один афроамериканец, один латиноамериканец (мексиканского происхождения), три американца азиатского (филлипинского, тайваньского, китайского) происхождения. Однако в этот период основную роль в определении использования института смертной казни в штате начинает играть федеральная судебная система. С 1976 г. в штате исполнили 13 смертных приговоров, в том числе шесть казней в XXI в. (все, кроме двух, с применением смертельной инъекции). В декабре 2006 г. федеральный окружной суд признал процедуру применения смертельной инъекции в штате противоречащей VIII поправке к Конституции США. В 2014 г. новое решение федерального окружного суда подтвердило «жестокий и необычный» характер применения

смертной казни в штате Калифорния, в частности в связи с затягиванием процедуры исполнения наказания вплоть до неопределенности его применения вообще. Таким образом, решения федеральных судов обусловили приостановление применения смертной казни в штате Калифорния. В то же время жители штата Калифорния дважды на референдуме высказались за сохранение смертной казни: в 2012 и в 2016 гг. (52,00 и 53,42 %, соответственно). Сторонники замены смертной казни пожизненным заключением без права освобождения представили значимые аргументы в ходе агитационной кампании 2015–2016 гг.: Калифорния стала лидером Западного полушария по числу лиц, приговоренных к смертной казни — 746 человек; стоимость назначения и применения смертной казни в 18 раз превышает расходы на применение пожизненного лишения свободы; применение смертной казни дискриминационно, поскольку 67 % лиц, приговоренных к смертной казни, составляют афроамериканцы и латиноамериканцы; с 1978 г. штат потратил более 5 млрд дол. на исполнение 13 смертных приговоров. Несмотря на это большинство избирателей поддержало предложение (51 %) по обеспечению более эффективного применения смертной казни, в том числе ускорению процедуры и предоставлению дополнительных гарантий обвиняемым и осужденным лицам. В 2017 г. обновленному составу Верховного суда штата Калифорния предстоит оценить конституционность нового закона.

Подобное характерно и для проблемы устранения расовой дискриминации в этой области. Так, в штате Северная Каролина в 2009 г. был принят Закон о расовой справедливости (The North Carolina Racial Justice Act of 2009), который запретил применять смертную казнь на основании расовых признаков. Закон возложил на обвиняемого бремя доказывания того факта, что раса явилась значимым фактором при назначении смертной казни. В случае если штату не удастся опровергнуть аргументы стороны защиты, смертный приговор автоматически заменяется пожизненным заключением без возможности досрочного освобождения. В 2012 г. в соответствии с данным законом осужденному М.Р. Робинсону смертная казнь была заменена на пожизненное заключение на том основании, что в 1994 г. во время вынесения приговора прокуратура намеренно вывела афроамериканцев из состава жюри. Кроме того, сторона ссылалась на данные юридического колледжа Университе-

та штата Мичиган, которые доказывали наличие расовых предубеждений в деятельности властей в рамках всего штата, в частности, при формировании коллегии присяжных. Представители прокуратуры в своих заметках, впоследствии представленных стороной защиты, называли чернокожих присяжных алкоголиками-наркоманами, бандитами, отличая представителей «респектабельных семей афроамериканцев» от жителей преимущественно черных кварталов. Директор Центра по вопросам смертной казни штата Северная Каролина Т. Хантер указал на факт двукратного превышения норматива вынесения приговоров в отношении чернокожих в сравнении с белыми американцами в течение последних 20 лет по всему штату [28]. Сразу после принятия закона стало ощущаться давление со стороны республиканских депутатов и правоохранительной системы штатов. Если в 2011 г. уже принятое решение об отмене закона остановило вето губернатора (представлявшего демократическую партию), то в 2012 г. были приняты поправки, существенно уточнявшие систему доказывания наличия расовых предубеждений. Прежде всего, требовались доказательства действительности расовых предубеждений в конкретном графстве или судебном округе, а не в рамках штата в целом, а также устанавливалась недостаточность представления только статистических данных, указывалось на необходимость предоставления иных фактических оснований для окончательной замены смертного приговора. В 2013 г. республиканское большинство Генеральной ассамблеи отменило закон, а новый губернатор Пэт Маккрори, также представляющий республиканскую партию, обеспечил его промульгацию. Противники закона отмечают, что он фактически откладывает решение, порождая неопределенность и фактический мораторий, а как известно, «затягивание правосудия — это отказ от правосудия».

Несмотря на определенные тенденции ограничения смертной казни, современное правовое регулирование и практика применения демонстрируют сохранение негативных аспектов развития данного института. Одной из важнейших проблем остается сохранение расовых предубеждений и вследствие этого расовой дискриминации в этой области. Минимальное представительство расовых меньшинств в структуре прокуратуры, судов, присяжных заседателей влечет за собой формирование особой среды «суда как белого пространства» [29],

что, в свою очередь, приводит к очевидным диспропорциям в статистике соотношения белых и цветных американцев в качестве жертв и осужденных к смертной казни преступников. Верховный суд, который призван обеспечить равные права граждан, не смог занять принципиальную позицию осуждения всех форм дискриминации в этой области, избрав тактику ограничения некоторых вопиющих проявлений несправедливости и жестокости смертной казни. Подобные симптомы нерешительности и непоследовательности характерны и для законодательства и судебной практики некоторых штатов. Отсутствие в современных США системной борьбы с институционализированными формами расовой дискриминации в такой экзистенциальной сфере, как применение смертной казни, делает данный институт не соответствующим базовым принципам гуманности, равноправия и справедливости XXI в., что требует ее отмены или установления четких федеральных стандартов ее применения. Действительно, важнейшим шагом по противодействию расовой и национальной дискриминации должна быть унификация применения смертной казни на федеральном уровне. Такая унификация может быть осуществлена в трех формах — внесения поправок к Конституции США, принятия федерального закона и изменения прецедентной практики Верховного суда США. Первая форма маловероятна ввиду отсутствия общенационального консенсуса по вопросу применения смертной казни и особо сложного порядка изменения Основного закона страны. Вторая форма также предполагает значительные общественные и парламентские дебаты, однако становится более вероятной по причине получения большинства в обеих палатах конгресса республиканской партией, традиционно более благосклонной к применению смертной казни. Это могло бы побудить конгресс к выработке новых более точных и общенациональных законодательных стандартов применения смертной казни на всех стадиях данного процесса. Основным препятствием в этом случае является децентрализованный характер уголовного и уголовно-процессуального законодательства в США, что ставит под сомнение возможность полного решения данной проблемы на уровне федерального законодательства и почти неизбежно потребует вовлечения судебной власти с целью подтверждения соответствия такого законодательства Конституции США.

Верховный суд в условиях наличия вакансии и четкого разделения действующих судей поровну на консерваторов и либералов также едва ли способен определить изменение позиции по такой принципиальной проблеме. Однако ожидаемое назначение, по выражению Д. Трампа, «консервативного судьи, достойного А. Скалиа» позволяет сделать прогноз о нарастании консервативных тенденций в работе Верховного суда, в том числе по вопросам смертной казни. В то же время следует отметить, что основополагающей проблемой применения

смертной казни в США остается отсутствие режима равноправия для жителей различных штатов и представителей различных расовых и национальных групп. Данная коренная проблема едва ли может быть решена в условиях сохранения значительной децентрализации в системе уголовно-правового регулирования и системных институционализированных различий правового положения представителей различных расовых и национальных групп (в особенности афроамериканцев и латиноамериканцев) в уголовно-правовой системе США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козочкин И.Д. Общая характеристика и некоторые основные тенденции развития американского уголовного права в области учения о наказании / И.Д. Козочкин // Государство и право. — 2015. — № 9. — С. 72–84.
2. Лепешкина О.И. Смертная казнь в США: тенденция к отмене / О.И. Лепешкина // Российский юридический журнал. — 2015. — № 1 (100). — С. 78–85.
3. Николаев Б.В. Смертная казнь в США: законодательство, общественное мнение и судебная практика / Б.В. Николаев // Уголовное право. — 2014. — № 3. — С. 121–128.
4. Lipka M. Support for death penalty drops among Americans [Electronic resource] / M. Lipka // Pew Research Center. — 2014. — Febr. 12. — Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/02/12/support-for-death-penalty-drops-among-americans>.
5. Norrell R.J. The House I Live In: Race in the American Century / R.J. Norrell. — New York : Oxford Univ. Press, 2005. — 379 p.
6. Fletcher W.A. Our broken death penalty / W.A. Fletcher // New York University Law Review. — 2014. — Vol. 89, № 3. — P. 805–829.
7. Unah I. Preliminary report on the findings of the North Carolina death penalty study 2001 [Electronic resource] / I. Unah, J. Boger. — Mode of access: <https://deathpenaltyinfo.org/race-and-death-penalty-north-carolina>.
8. Pierce G.L. Death Sentencing in East Baton Rouge Parish, 1990–2008 / G.L. Pierce, M.L. Radelet // Louisiana Law Review. — 2011. — № 71. — P. 647–673.
9. Pierce G.L. The Impact of Legally Inappropriate Factors on Death Sentencing for California Homicides, 1990–1999 / G.L. Pierce, M.L. Radelet // Santa Clara Law Review. — 2005. — № 46. — P. 1–47.
10. Little R.K. What Federal Prosecutors Really Think: The Puzzle of Statistical Race Disparity Versus Specific Guilt, and the Specter of Timothy McVeigh / R.K. Little // De Paul Law Review. — 2004. — Vol. 53, iss. 4. — P. 1591–1614.
11. Bright St.B. The role of race, poverty, intellectual disability, and mental illness in the decline of death penalty / St.B. Bright // University of Richmond Law Review. — 2015. — № 49 (3). — P. 671–692.
12. Phillips S. Continued racial disparities in the capital of capital punishment: the Rosenthal era / S. Phillips // Houston Law Review. — 2012. — № 50. — P. 131–155.
13. Beckett K. The Role of race in Washington state capital sentencing, 1981–2012 / K. Beckett, H. Evans. — Seattle : Univ. of Washington, 2014. — 25 p.
14. Fandos N. A Study Documents the Paucity of Black Elected Prosecutors: Zero in Most States / N. Fandos // The New York Times. — 2015. — July 7.
15. Егоров С.А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты / С.А. Егоров. — М. : Наука, 1993. — 195 с.
16. Фридман Л. Введение в американское право / Л. Фридман. — М. : Прогресс-Универс, 1993. — 286 с.
17. Levinson J.D. Devaluing death: An empirical study of implicit racial bias on jury-eligible citizens in six death penalty states / J.D. Levinson, R.J. Smith, D.M. Young // New York University Law Review. — 2014. — № 89. — P. 513–558.
18. Барышев Е.О. Дело «Фурман против Джорджи» и его влияние на развитие института смертной казни в США / Е.О. Барышев // Право и политика. — 2016. — № 3. — С. 380–387. — DOI: 10.7256/1811-9018.2016.3.15057.
19. Levinson D.J. Rights and Votes / D.J. Levinson // The Yale Law Journal. — 2012. — Vol. 121, № 6. — P. 1286–1363.
20. Baldus D.C. Monitoring and Evaluating Temporary Death Sentencing Systems: Lessons From Georgia / D.C. Baldus // 18 U.C. Davis Law Review. — 1985. — № 18. — P. 1375–1407.
21. Baldus D.C. Comparative Review of Death Sentences: An Empirical Study of the Georgia Experience / D.C. Baldus, C. Pulaski, G. Woodworth // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1983. — Vol. 74 (3), iss. 3. — P. 661–753.
22. Patterson C.M. Race and the Death Penalty: the Tension Between Individualized Justice And Racially Neutral Standards / C.M. Patterson // Wesleyan Law Review. — 1995. — № 45 (2). — P. 80–95.
23. Savage D.G. Roe vs. Wade? Bush vs. Gore? What are the worst Supreme Court decisions? / D.G. Savage // Los Angeles Times. — 2008. — Oct. 22.
24. Lewis A. Bowing To Racism / A. Lewis // New York Times. — 1987. — Apr. 28.
25. Liptak A. New Look at Death Sentences and Race / A. Liptak // The New York Times. — 2008. — Apr. 29.

26. Keys D.P. McCleskey v. Kemp and the Reaffirmation of Separate But Equal / D.P. Keys, R.J. Maratea // *Race and the Death Penalty: The Legacy of McCleskey v. Kemp* / eds D.P. Keys, R.J. Maratea. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2016. — P. 7–21.
27. Spohn C. The effects of the offender's race, ethnicity and sex on federal sentencing outcomes in the guidelines era / C. Spohn // *Law and Contemporary Problems*. — 2013. — Vol. 76, № 1. — P. 75–104.
28. Clark M. Some States Speed Up Death Penalty [Electronic resource] / M. Clark. — Mode of access: <http://www.pewstates.org/projects/stateline/headlines/some-states-speed-up-death-penalty-85899484283>.
29. Carlin A. The Courtroom as White Space: Racial Performance as Noncredibility / A. Carlin // *UCLA Law Review*. — 2016. — № 63. — P. 450–484.

REFERENCES

1. Kozochkin I.D. General characteristics and some basic trends in the development of American criminal law in the area of the doctrine of punishment. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2015, no. 9, pp. 72–84. (In Russian).
2. Lepyoshkina O.I. The capital punishment in the United States: the trend towards abolition. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2015, no. 1 (100), pp. 78–85. (In Russian).
3. Nikolayev B.V. Capital punishment in the United States: legislation, public opinion and court practice. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2014, no. 3, pp. 121–128. (In Russian).
4. Lipka M. Support for death penalty drops among Americans. *Pew Research Center*, 2014, February 12. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/02/12/support-for-death-penalty-drops-among-americans>.
5. Norrell R.J. *The House I Live In: Race in the American Century*. New York, Oxford University Press, 2005. 379 p.
6. Fletcher W.A. Our broken death penalty. *New York University Law Review*, 2014, vol. 89, no. 3, pp. 805–829.
7. Unah I., Boger J.Ch. *Preliminary report on the findings of the North Carolina death penalty study 2001*. Available at: <https://deathpenaltyinfo.org/race-and-death-penalty-north-carolina>.
8. Pierce G.L., Radelet M.L. Death Sentencing in East Baton Rouge Parish, 1990–2008. *Louisiana Law Review*, 2011, no. 71, pp. 647–673.
9. Pierce G.L., Radelet M.L. The Impact of Legally Inappropriate Factors on Death Sentencing for California Homicides, 1990–1999. *Santa Clara Law Review*, 2005, no. 46, pp. 1–47.
10. Little R.K. What Federal Prosecutors Really Think: The Puzzle of Statistical Race Disparity Versus Specific Guilt, and the Specter of Timothy McVeigh. *De Paul Law Review*, 2004, vol. 53, iss. 4, pp. 1591–1614.
11. Bright St.B. The role of race, poverty, intellectual disability, and mental illness in the decline of death penalty. *University of Richmond Law Review*, 2015, no. 49 (3), pp. 671–692.
12. Phillips S. Continued racial disparities in the capital of capital punishment: the Rosenthal era. *Houston Law Review*, 2012, no. 50, pp. 131–155.
13. Beckett K., Evans H. *The Role of race in Washington state capital sentencing, 1981–2012*. Seattle, University of Washington, 2014. 25 p.
14. Fandos N. A Study Documents the Paucity of Black Elected Prosecutors: Zero in Most States. *The New York Times*, 2015, July 7.
15. Egorov S.A. *Konstitutsionalizm v SShA: politiko-pravovye aspekty* [Constitutionalism in the USA: political and legal aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 195 p.
16. Friedman L.M. *American Law: An Introduction*. New York, W-W-Norton and Company, 1984. 362 p. (Russ. ed.: Friedman L.M. *Vvedenie v amerikanskoe pravo*. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993. 286 p.).
17. Levinson J.D., Smith R.J., Young D.M. Devaluing death: An empirical study of implicit racial bias on jury-eligible citizens in six death penalty states. *New York University Law Review*, 2014, no. 89, pp. 513–558.
18. Baryshev E.O. The case of «Furman v. Georgia» and its influence on the advancement of the institution of the death penalty in the USA. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2016, no. 3, pp. 380–387. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.3.15057. (In Russian).
19. Levinson D.J. Rights and Votes. *The Yale Law Journal*, 2012, vol. 121, no. 6, pp. 1286–1363.
20. Baldus D.C. Monitoring and Evaluating Temporary Death Sentencing Systems: Lessons from Georgia. *18 U.C. Davis Law Review*, 1985, no. 18, pp. 1375–1407.
21. Baldus D.C., Pulaski C., Woodworth G. Comparative Review of Death Sentences: An Empirical Study of the Georgia Experience. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1983, vol. 74 (3), iss. 3, pp. 661–753.
22. Patterson C.M. Race and the Death Penalty: the Tension between Individualized Justice and Racially Neutral Standards. *Wesleyan Law Review*, 1995, no. 45 (2), pp. 80–95.
23. Savage D.G. Roe vs. Wade? Bush vs. Gore? What are the worst Supreme Court decisions? *Los Angeles Times*, 2008, October 22.
24. Lewis A. Bowing to Racism. *New York Times*, 1987, April 28.
25. Liptak A. New Look at Death Sentences and Race. *The New York Times*, 2008, April 29.
26. Keys D.P., Maratea R.J. McCleskey v. Kemp and the Reaffirmation of Separate but Equal. In Keys D.P., Maratea R.J. (eds). *Race and the Death Penalty: The Legacy of McCleskey v. Kemp*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2016, pp. 7–21.
27. Spohn C. The effects of the offender's race, ethnicity and sex on federal sentencing outcomes in the guidelines era. *Law and Contemporary Problems*, 2013, vol. 76, no. 1, pp. 75–104.
28. Clark M. *Some States Speed up Death Penalty*. Available at: <http://www.pewstates.org/projects/stateline/headlines/some-states-speed-up-death-penalty-85899484283>.
29. Carlin A. The Courtroom as White Space: Racial Performance as Noncredibility. *UCLA Law Review*, 2016, no. 63, pp. 450–484.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаев Борис Викторович — доцент кафедры уголовного права Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, г. Пенза, Российская Федерация; e-mail: nikolboris@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Николаев Б.В. «Черно-белая справедливость»: смертная казнь и вопросы расовой дискриминации в США / Б.В. Николаев // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 128–140. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).128-140.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaev, Boris V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Penza State University, Ph.D. in History, Ass. Professor, Penza, the Russian Federation; e-mail: nikolboris@yandex.ru.

FOR CITATION

Nikolaev B.V. «Black-and-white justice»: death penalty and racial discrimination in the USA. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 128–140. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).128-140. (In Russian).